

Нина ДУБОВИК, краевед, член Российского союза профессиональных литераторов. Автор недавно вышедшей книги о юнгах Северного флота «По зову сердца и велению долга».

ЮНГАМ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

В канун празднования 76-й годовщины Великой Победы, 8 мая 2021 года ульяновцы стали свидетелями торжественного открытия в парке имени Александра Матросова памятника юным героям-ульяновцам, юнгам Соловецкой школы Северного флота. Всё было до слёз трогательно: в момент снятия покрывала прозвучал гимн Российской Федерации, и перед нами предстал юнга в бронзе.

В одной руке он держит бинокль, а в другой – сигнальные флажки. Со слезами на глазах смотрели родственники, потомки героев, и, наверное, думали, что неужели дождался этого момента, когда героизм их отцов отмечен малой родиной так достойно, как они того заслуживают.

Всё было тщательно продумано: знамённая группа, взвод почётного караула, возложение цветов, минута молчания и прохождение торжественным маршем военнослужащих Ульяновского гарнизона. Вахту памяти нёс единственный юнга, оставшийся в живых, – Ефим Иванович Семёнов. Когда он узнал, что в Ульяновске будет стоять памятник юнгам – по его испещрённому морщинами лицу потекли слёзы... Мы с его дочерью Ольгой Семёновной долго думали, привозить ли его на праздник, и решились привезти. Ефим Иванович не только выступил с приветствием, но и прочитал стихотворение о юнгах и благодарил... благодарил...

Презентация книги состоялась 15 мая 2021 года в библиотеке №4 им. Е. Евтушенко.

Во второй части митинга доктором исторических наук, руководителем Института истории и культуры региона Центра стратегических исследований Сергеем Алексеевичем Прокопенко и мной были вручены только что изданные книги о юнгах родственникам героев. Книга называется «По зову сердца и велению долга», её автором-составителем являюсь я.

Сын барышского юнга Стас Филимонов исполнил песню, посвященную своему отцу.

Как я пришла к этой неизученной теме? Работая над книгой о Герое Советского Союза Александре

Матросове, в интернете наткнулась на маленький кусочек материалов о юнгах Северного флота, и мне захотелось рассказать об ульяновцах и мелекесцах и последней главой вставить в книгу материал о Матросове. Но, прикоснувшись к этому материалу, я поняла, что это должна быть отдельная книга о мальчиках, которые в 14–17 лет рвались на фронт, когда не было скидки на возраст. Они били врага за своих погибших старших братьев и отцов, за мирное небо над страной, за то, чтобы сегодняшнее поколение таких же юнцов не знало ужасов войны.

Памятник юнгам

Возложение цветов

Ефим Иванович Семёнов юнга 3-го набора (второй справа)

Кто такой юнга?

Если заглянуть в несколько разных словарей, то можно прочитать следующее: «Юнга в дореволюционном русском флоте и флотах зарубежных стран – подросток, проходящий на морском судне подготовку к службе в качестве матроса; младший матрос». «Юнга – подросток, исполняющий на корабле обязанности матроса и обучающийся морскому делу». Звание «юнга» появилось на флоте гораздо раньше, чем «капитан».

Есть сведения, что, как только был построен Кронштадт, Петр I одним из своих приказов повелел открыть в Кронштадте первую школу юнг, которые участвовали в морских баталиях при Гангуте, Чесме, Корфу, воевали и гибли в Цусимском проливе. Юнги шли в бой рядом с бывалыми матросами, ничуть не дрогнув, прямо смотрели смерти в лицо. Много замечательных страниц вписали они в нашу историю. И сам Пётр I начал службу на море с каютного юнга.

А в 1942 году ребята попали на боевые корабли вот таким образом.

Шёл 1942 год, сопровождавшийся ожесточёнными схватками с гитлеровскими захватчиками. Тяжёлые, кровопролитные бои шли на Севастопольском участке фронта, на Курском направлении, в районах Воронежа, Новочеркасска, Ростова. Совсем скоро должна была начаться битва за Сталинград. В стране был дефицит войск. Моряков отправляли на фронт, как морскую пехоту. Они отчаянно дрались и погибали.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов

Вот тогда Народный комиссар ВМФ Николай Герасимович Кузнецов, сам пройдя путь от юнга до адмирала, видя ситуацию на фронтах и флотах в 1942 году и понимая, что учить, как в старые времена, матросов на кораблях во время постоянных боевых операций невозможно, принимает смелое и единственно верное решение – создать учебное заведение для юнг.

25 мая 1942 года он подписал приказ № 108.

В нём сказано: «Школу укомплектовать юношами, комсомольцами и некомсомольцами, в возрасте 15-16 лет, имеющими образование в объеме 6-7 классов, исключительно добровольцами через комсомольские организации в районах по согласованию с ЦК ВЛКСМ.

Из принимаемого контингента готовить следующих специалистов:

- а) боцманов
- б) рулевых,
- в) радистов,
- г) артиллерийских электриков,
- д) торпедных электриков,
- е) мотористов,
- ж) электриков.

А в это время мальчики осаждали военкоматы, но военкомы призвать их на фронт не могли по

возрасту. И... о, счастье! Московский комитет комсомола разослал развёрстки по не занятым врагом областям. В те годы Ульяновск и Мелекес (Дмитровград) относились к Куйбышевской области. Она должна была предоставить 250 человек. В первый набор попали 45 ульяновцев и 30 мелекесцев. Во второй набор 1943 года уехали 31 ульяновец и 19 мелекесцев. По третьему набору развёрстка не найдена, но она была такой же, как во втором наборе. Было проведено три военных набора. Всего юнгами стали 175 ребят, из них около 70 погибли.

Требования при наборе соблюдались строгие.

Уже при подаче документов мальчишки встречались с трудностями, а иногда и с крушением надежд, потому что, кроме заявлений, нужно было предоставить:

- 1) выписку из ЗАГСа о рождении;
- 2) справку о состоянии здоровья;
- 3) справку об образовании;
- 4) автобиографию;
- 5) справку с места работы о согласии отпустить

(если кандидат работал).

Отсев кандидатов был в основном по причине непригодности к службе на флоте по медицинским показаниям (слабые слух, зрение и другие серьёзные заболевания). И ещё было не менее важным – рост ниже 150 см.

Несмотря на условия добровольности, при поступлении в школу требовалось обязательное согласие родителей. Не каждая мать решалась дать такое согласие, ведь школа школой, а мальчишки, окончившие её, получали направления на боевые корабли.

Но мальчиков останавливать было бесполезно. Родина предоставила им шанс, они шли на всяческие подделки документов, прибавляя себе годы, писали друг другу разрешения матерей или просто уходили из дома, оставив записки.

28 июля 1942 года все кандидаты в юнги собрались в детском парке (парк им. А. Матросова). Проводы прошли торжественно, с оркестром, с цветами и напутственными словами. Едва стихли последние аккорды «Славянки», семьдесят пять мальчишек из Ульяновского и Мелекесского районов Куйбышевской области в сопровождении морских офицеров отправились на железнодорожный вокзал. Провожали юнг, как на войну.

Стрижены, круглоголовы,

Сжавшие кулаки,

Мальчишки 42-го,

Щупленькие пареньки.

Серая панорама:

Рельсы, оркестр, перрон...

– Что же ты плачешь, мама?

Мы ведь ещё не на фронт.

Их вагон прицепили к воинскому эшелону, который шёл к месту назначения – в Архангельск, где вновь была комиссия, которая проверяла прибывающих юнг и распределяла их по специальностям. Здесь ребята прошли строжайшую медкомиссию, а затем мандатную.

И, как выяснилось, в первый набор были зачислены шесть подростков, которым исполнилось только 14 лет, а один оказался двенадцатилетним.

Перед отправкой из Архангельска на Соловки, командир построил на Красной пристани мальчишек с Урала, Сибири, Поволжья, Русского Севера.

Окинул взглядом: морская форма явно не по росту, ботинки велики. А бантик на бескозырках будто подчеркивал: не воины тут собрались, а дети. Сотни доверчивых глаз были устремлены на командира. Тот вздохнул и начал говорить:

– Там, куда вы поедете, будет трудно. Первое время даже очень трудно. Ничего готового там для вас нет: ни жилья, ни учебных классов. Всё придется строить самим. Каждому ли из вас будут трудности по плечу? У кого есть сомнения, остаются здесь...

Командир замолчал, давая ребятам время на размышление, а потом скомандовал:

– Желающие вернуться домой – два шага вперед!

Строй не шелохнулся.

Когда к Кавказу рвался враг,

Фашисты рвались в Сталинград.

Такой момент нельзя забыть:

Чтоб специальность получить,

Немало мальчиков в тот год

Пришли учиться в Красный флот.

А перед вами – карапет,

Ему четырнадцать лишь лет,

А он ведь в будущем радист,

Электрик, боцман, моторист.

Когда пройдет учебный год,

Он в море, на войну уйдет,

Он будет честью дорожить,

Он будет Родине служить.

Так позднее напишет юнга 1-го набора В. Василевский.

2 августа 1942 года госпитальное судно взяло курс на Соловецкие острова, а через сутки дети высадились на берегу Соловков, на место, которое станет отправной точкой и компасом их жизни.

Что собой представляли Соловецкие острова?

Это край суровой северной природы, крупнейший по площади архипелаг Белого моря в 165 км от Полярного круга. Кроме шести больших островов, архипелагу принадлежат также сотни маленьких островков. Они появились после того, как 12 тысяч лет назад отступило оледенение. Ледники ушли, а принесенные ими камни, песок и почва остались. На Соловках нет рек и почти нет родников. Первые люди там появились в 1-го столетии до новой эры.

Со времени Ивана Грозного здесь на протяжении почти трёх с половиной столетий существовала соловецкая монастырская тюрьма, где в основном держали государственных преступников. В XIX веке в Соловецкой монастырской тюрьме находились в заключении представители всех «трёх этапов русского революционного движения» (дворянского – декабристы, разночинного – народовольцы, пролетарского – социалисты). Царская тюрьма на Соловках прекратила своё существование только в 1903 г., но возродилась уже в 1920-х гг. при советской власти, став позднее одним из самых страшных концлагерей ГУЛАГа.

Да, для ребят ничего не было приготовлено.

Разбили палатки, жили по 13-15 человек в каждой. Сначала спали на сосновых лапах, потом на матрасах, набитых морской травой, под головой – вещмешки.

Лето в Заполярье короткое, нужно было торопиться до наступления холодов построить крышу над головой.

7 августа было определено место строительства Школы юнг в глубине острова, в посёлке Савватьево.

Начались суровые будни.

На следующий после приезда день ребята начали строить школу. На голом месте голыми руками. Не хватало топоров, лопат, гвоздей. На всю школу имелись только машина-полуторка и лошадь. За тяжёлый труд иногда получали по две миски каши. Кубрики для жилья строили в виде землянок. Вот так писал в своей книге «Юнги Северного флота» бывший комиссар Школы юнг Сергей Сергеевич Шахов: «С середины сентября по ноябрь на Соловках беспрестанно шли дожди. Вы когда-нибудь перекачивали валуны под дождём? А они перекачивали. Не могли перекатить – раскаляли и обливали водой. Пока не треснет. Вспоминается, как группа юнговшей (15-20 человек) тянула из котлована огромный камень, силёнок не хватает, плачут, а тянут...»

Осенью, когда начались первые заморозки, большая часть отряда слегла в госпиталь. От холода и грязи ребята покрывались фурункулами.

Юнги обслуживали себя сами. Умывались и стирали одежду в проруби на озере, студя руки в ледяной воде. Питьевую воду ходили набирать за 150 метров из озера, зимой пробивали прорубь.

Обычное меню было таким: суп из трески, каша овсяная или суп гороховый и соевая каша. На третье – компот. И три раза в день – отвар из хвои перед едой от цинги. Очень горький, противный, но очень полезный. Кто не пил – остался без зубов. И вторая беда – аппендициты. Ещё собирали бруснику, приносили в землянку, ссыпали в бочку с водой и зимой пили этот настой – восполняли недостаток витаминов.

Юнг приучали к чистоте и опрятности, быстроте выполнения приказов. Уборки тщательнейшим образом проверялись старшиной. Передельывали столько раз, сколько надо было для наведения блеска.

Полностью военный городок построили к 7 ноября 1942 года, включая продовольственные, вещевые склады и склады боепитания. В Трещанской губе была устроена шлюпочная станция. Тридцать полуземлянок-кубриков вместимостью 52 человека, каждая с койками в 3 яруса и печками-буржуйками. Название «землянка» больше соответствовало действительности: жилище было выкопано в склоне горы. Стены и потолок обшивались досками в два ряда, между которыми набивали мох и листья. Вдоль стен располагались трёхъярусные нары, на них лежали матрасы и подушки, набитые морской травой. В головах нары были полочки для мелочей: мыльницы (давали один кусок мыла в месяц), ложки, писем, фотографий родных, самодельных ножей... Конспекты на полки не помещались, их прятали под подушкой или под матрасом.

Посередине кубрика стояли стол в 5-6 метров длиной и скамьи с двух сторон. Перед отходом ко сну на них укладывалось обмундирование. Стол представлял собой рундук, разделённый на ячейки, где юнги хранили одежду – на каждой ячейке была бирка с фамилией.

Света в землянках поначалу не было, зажигали коптилки – железные чернильницы с фитилем. В качестве «горючего» использовали рыбий жир.